

кие отщепы. Образовавшиеся в результате этого крупные и средние отщепы являлись вторичной сырьевой базой и использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения. Можно констатировать, что в материалах исследуемого памятника прослеживаются тенденции, характерные для поселенческих комплексов неолита Алтая, удаленных от источников сырья.

Можно констатировать, что изучение коллекции каменных артефактов только начинается, но уже сейчас очевидно, что материалы поселения Пестряково Озеро выделяются на фоне памятников неолита и энеолита Алтая. В качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что коллекция каменных артефактов поселения Пестряково Озеро в АлтГУ относится к периоду позднего – финального неолита или раннего энеолита. Как уже отмечалось выше, рассматриваемая коллекция представлена сборами с разрушенной части памятника, что, безусловно, заставляет воздерживаться от окончательных выводов. Не вызывает сомнений необходимость изучения планиграфии и стратиграфии поселения Пестряково Озеро. Решение вопросов, обозначенных в этой работе, невозможно без проведения раскопок.

Библиографический список

- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008.
- Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А. Орудия на отщепах с поселения Рубцовское (из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска) // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2 (30).
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Древнейшее прошлое Завьяловского района // Завьяловский район. История. События. Люди. Барнаул, 2000.
- Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64.
- Молодин В.И., Бобров В.В. Предисловие // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.
- Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21).
- Толпеко И.В. Еще раз к вопросу о комплексном анализе каменного инвентаря // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.
- Шмидт А.В., Смирнова Л.Н. Неолитический комплекс поселения Гусятник-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007.

УДК 902«634»(574)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.18

В.К. Мерц

Центр археологических исследований Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В НЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы
МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2020–2022 гг.»
№АР08856925 «Неолит Северо-Восточного Казахстана»

В статье рассматриваются результаты изучения неолита Северо-Восточного Казахстана и культурно-исторических процессов, которые происходили в регионе в указанный период. Они свидетельствуют о том, что там была контактная зона нескольких культурных образований, представленных

разными типами керамики, но базировавшихся на общих сырьевых источниках и имевших сходные типы индустрий. Их формирование было связано с периодической сменой технологических приемов обработки камня с предпочтением того или иного вида сырья, являющегося культурно-хронологическим маркером, связанным с приходом с Юго-Запада и Запада новых групп населения, возможно, имевших навыки производящего хозяйства в виде пастушеского скотоводства. Однако следы скотоводства фиксируются лишь в позднем неолите на поселении Борлы, в слое с керамикой боборыкинского типа, также имеющей, по мнению некоторых исследователей, юго-западное происхождение.

Ключевые слова: Северо-Восточный Казахстан, неолит, культурно-исторические процессы, миграции, стоянка Шидерты 3, поселение Борлы, керамика, боборыкинская культура

Введение

Накопление археологических источников, расширение информативной базы по неолиту Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов, произошедшее за последние десятилетия, позволяют говорить о культурно-исторических процессах, происходивших на этой территории, долгое время остававшейся не изученной и являвшейся, по сути дела, белым пятном на археологической карте. Исключение составляли стоянки Пеньки-1–2 [Чалая, 1972], расположенные на периферии региона и не отражавшие ситуацию в неолите на всей его территории. Размещается он в административных пределах Павлодарской области, граничащей на севере с Омской и Новосибирской областями, а на востоке – с Алтайским краем Российской Федерации. Этот регион включает несколько различных ландшафтных и орографических зон, разделенных с юга на север Иртышом – крупнейшей водной артерией Казахстана. Его левобережная часть включает Прииртышскую равнину на севере, а на юге – Казахский мелкосопочник, правобережная – юго-западную часть Барабинской лесостепи на севере и западную часть Кулундинской равнины – на юге. Таким образом, весь регион по физико-географическим особенностям можно разделить на четыре части, каждая из которых, видимо, представляет отдельные культурно-исторические зоны. Естественной границей между ними являлась лишь р. Иртыш. Однако это не исключает взаимодействия между населением выделенных зон. Напротив, изучение неолитических памятников региона показало их тесную взаимосвязь. Наибольшее количество неолитических стоянок выявлено в левобережной части, по краю мелкосопочника и Прииртышской равнины, где расположены крупнейшие сырьевые источники, представленные обнажениями палеогеновых кварцитов, разрабатывавшихся с раннего палеолита [Медоев, 1968], и других пород камня, использовавшихся в древности для изготовления орудий. В последующие эпохи на них базировались каменные индустрии не только Северо-Восточного Казахстана, но и сопредельных регионов юга Западной Сибири [Толпеко, 2005; Бобров, Юракова, 2014, с. 212].

История изучения

Исследование неолита региона началось с работ А.Г. Медоева и Л.А. Чалой в 60-х гг. прошлого столетия. Изучив топографию стоянок каменного века на северо-восточном склоне Казахского мелкосопочника в пределах Левобережного Прииртышья, А.Г. Медоев [1982, с. 26] выделил для данного региона некую культуру микролитов с самыми общими характеристиками. Л.А. Чалая провела исследования неолитических стоянок Пеньки-1 и 2 на юго-западе Барабинской лесостепи. По результатам этих работ она выделила среди полученных материалов комплексы неолита и энеолита, обозначила их сходство с рядом западносибирских памятников, указывающее на их культурные связи [Чалая, 1972, с. 177, 180].

Затем, до конца 1980-х гг., специальные исследования по неолиту региона не проводились. Кардинальные изменения произошли с открытием многослойной стоянки Шидерты-3, расположенной в среднем течении одноименной реки, на северо-восточной окраине Казахского мелкосопочника [Мерц, 1992]. Памятник приурочен к первой надпойменной террасе ее левого берега, в верхней пачке отложений которой вложено шесть культурных слоев и горизонтов с серией погребенных почв раннего и среднего голоцена, отражающих последовательность развития комплексов каменных индустрий на территории Северного и части Центрального Казахстана [Мерц, 2008]. Через два десятка лет в регионе был открыт еще один уникальный памятник неолита: поселение Борлы, расположенное на западном берегу одноименного озера в правобережной части Павлодарского Прииртышья [Мерц, 2011].

Основные результаты

Изучение стоянки Шидерты-3 позволило не только уточнить периодизацию и хронологию комплексов мезолита–ранней бронзы на большей части Северного и Центрального Казахстана, определить их соотношение между собой, но и разработать концепцию их сложения и развития культурно-исторических процессов на этой территории. Она заключается в следующем: процессы неолитизации в регионе начались на рубеже VII–VI тыс. до н.э., и были связаны с приходом населения, использовавшего технологию кремневого производства, аналогичную позднемезолитическим и раннеолитическим комплексам юго-восточного Прикаспия, типа слоя 4а грота Дам-Дам-Чешме-2 [Марков, 1966] и Джейтуна [Массон, 1971]. Очень близкие им в типологическом отношении материалы были получены сначала из слоя 4 стоянки Шидерты-3 и на соседних памятниках Шидерты-2, 5, Карабудур-3, а затем выявлены в Прииртышье на стоянках Костомар, Борлы [Мерц, 2006; 2008; 2018], Черноозерье-VI [Горбунова, Толпеко, Шмидт, 2017] и, вероятно, Павловка-I [Кирюшин, Кунгурова, 1984, рис. 2–5]. С этими комплексами также связаны образцы кремневой и галечной скульптуры, представляющей антропоморфные и зооморфные образы [Мерц, 2008; 2018а; Merz, 2014].

Следующий этап отражает наиболее раннее в регионе появление керамики, происходящей из 3-го слоя стоянки Шидерты-3. Этот слой содержит индустрию раннекельтеминарского типа со скошенными остриями и асимметричными трапециями, пластинками с притупленным краем и торцом. Керамика круглодонная, без орнамента, с толстым прямым венчиком, имеющим широкий горизонтальный срез, с неровными внутренними стенками и внешней обмазкой [Мерц, 2004; 2008]. Аналогии этому типу индустрии известны на многих памятниках Северного Казахстана, соотносимых как с мезолитом региона [Зайберг, Потемкина, 1981], так и неолитом Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Кунгурова, 1984, рис. 4.-15–19, 42–46].

С периодом развитого неолита связан микропластинчатый комплекс стоянки из слоя 2а, соотносимый нами с памятниками атбасарской культуры [Мерц, 2008]. Он представлен большим количеством каменных орудий из светло-серой яшмовидной породы (боборыкинская яшма) с очень широкой номенклатурой изделий из пластин и отщепов и небольшим количеством в основном не орнаментированной керамики. Эта индустрия встречается на многих памятниках региона, с ней связано появление первых пластинчатых наконечников стрел и бифасных изделий из отщепов [Мерц, 2004; 2008]. В данном комплексе также есть образцы кремневой и галечной скульптуры, представляющей зооморфные образы. Однако с выразительными керамическими

материалами эта индустрия представлена, только на памятниках правобережной части Павлодарского Прииртышья (рис. 1.-1–30). Там они содержат круглодонную посуду с выделенной шейкой, отогнутым венчиком и насечками по его срезу, лощеной поверхностью, орнаментированной горизонтальными рядами гладкой качалки (реже использовался гребенчатый штамп) по верхней части или всей поверхности (рис. 1.-31, 33), соотносимой с большемысским типом керамики [Мерц, 2013]. Здесь такие керамические комплексы с кремневой микроиндустрией, выполненной на «боборыкинской» яшме, получены на стоянке Мичурино-2 и поселении Борлы. Ближайший к ним комплекс керамики большемысского типа, не соотносимый с какой-либо конкретной каменной индустрией, получен также на поселении Новоильинка-VI [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015].

Комплекс слоя 2 стоянки Шидерты-3, представленный специфичной каменной индустрией на серо-зеленых кварцитах с множеством бифасных изделий на пластинах и отщепах, видимо, отражающих переход от неолита к энеолиту, также не содержал выразительных образцов керамики [Мерц, 2004]. Но аналогичные комплексы представлены на стоянке Шарбакты-1 и поселении Борлы с керамикой боборыкинского типа и большим количеством костей домашней лошади и КРС [Гайдученко, Мерц, 2012; Мерц, 2014]. По материалам поселения Борлы уже получен ряд ^{14}C дат, указывающих на середину – 2-ю половину V тыс. до н.э. [Мерц, 2018].

В этой связи необходимо отметить, что большинство комплексов стоянки Шидерты-3, отражающих последовательность развития каменных индустрий в регионе, но не имеющих выразительной керамики, находят аналогии в материалах других памятников Прииртышья и соседних регионов. Однако их соотношение с какими-либо конкретными культурами весьма проблематично. Опираясь на четкое стратиграфическое положение в разрезе памятника и выразительность типологического набора каждого комплекса, нам удалось выделить их как отдельные типы индустрий [Мерц, 2008]. Каждый из них связан с использованием того или иного сырья, позволяющим с большей долей вероятности определение их облика и нахождение аналогий, которые известны во многих памятниках азиатской части степной и лесостепной зоны. В целом это указывает на существование здесь еще с мезолита больших культурных общностей, последовательно сменявшихся по мере прихода новых групп населения и связанных с ним процессов культурогенеза. Но отсутствие керамических комплексов затрудняет определение их границ. Такие обстоятельства заставляли некоторых исследователей выделять археологические культуры лишь на основании кремневых комплексов [Зайберт, 1992], что придает им весьма аморфный облик и нуждается в корректировке. В какой-то мере это удалось сделать на основании шидертинских комплексов, имеющих более четкие контуры [Мерц, 2008]. Однако обнаружение подобных индустрий с керамикой той или иной культуры также пока не позволяет полностью соотнести их с данными культурами, так как закрытость археологических комплексов всегда является проблематичной, о чем часто свидетельствует инородная примесь в большинстве каменных индустрий региона.

Таким образом, выявленная последовательность смены типов каменных индустрий в регионе, видимо, связана с цикличностью прихода новых групп населения, которые вступали в культурное взаимодействие с автохтонными популяциями. Данный симбиоз не приводил к полной смене культурных стереотипов. Как правило, привно-

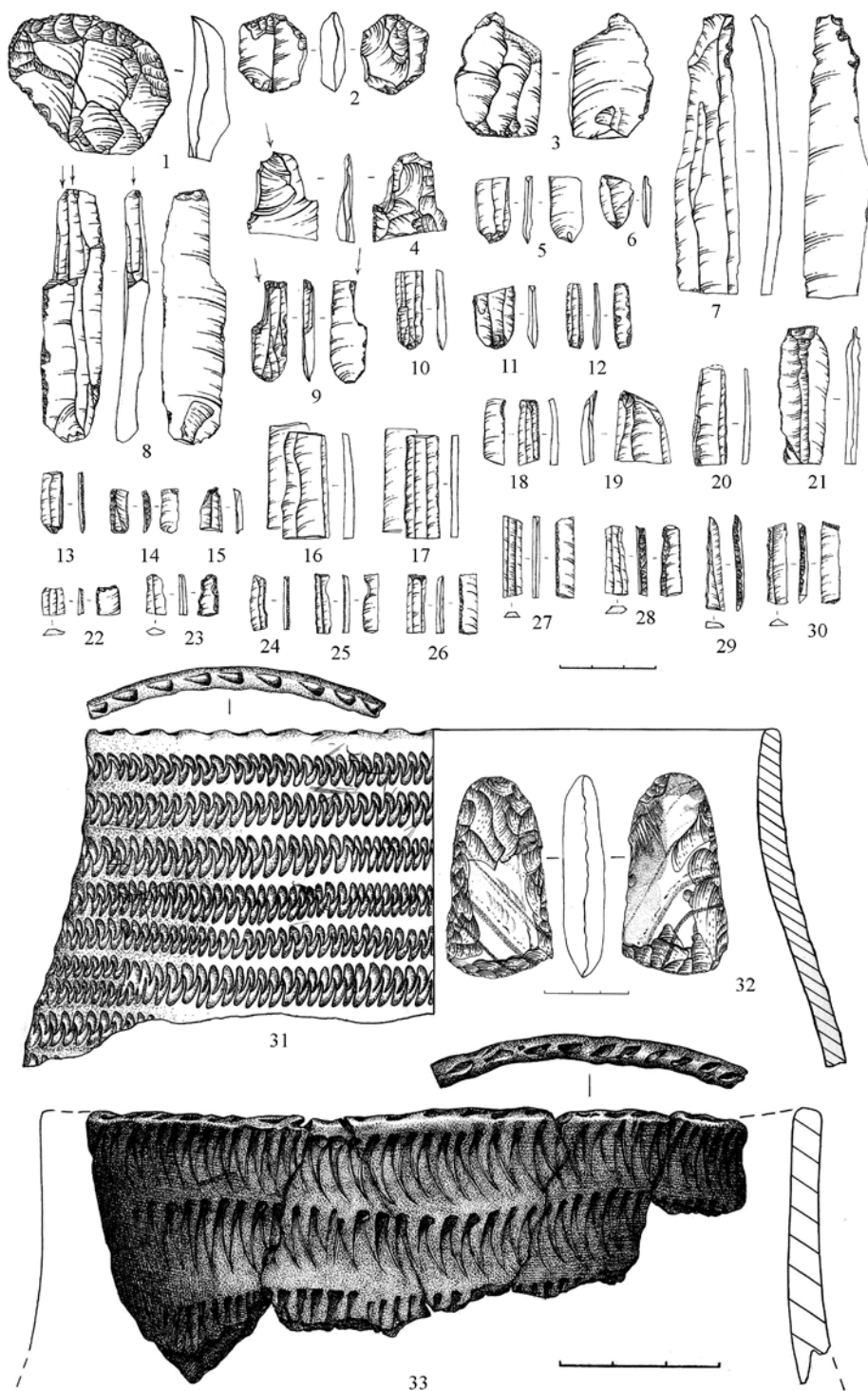

Рис. 1. Каменная индустрия и керамика: 1–32 – стояка Мичурино-2; 33 – поселение Борлы

сился тип каменных индустрий и в некоторых случаях – приемы керамического производства. Отражение этих процессов на территории Северо-Восточного Казахстана мы видим в существовании на разных этапах неолита нескольких различных культурных зон. Первая – это левобережная часть области, включающая окраину Казахского мелкосопочника с его богатейшей сырьевой базой и Прииртышскую равнину, где по границе степи и лесостепи, вероятно, проходила контактная зона с племенами Западной Сибири. Но там процессы их взаимодействия еще слабо изучены.

На правобережной части также не очень четко определяется граница культурных зон, связанных с культурами отступающе-накольчато-ямочной керамики в лесостепной зоне юго-западной части Барабинской низменности и комплексами большемысского и боборыкинского типов – в западной части Кулундинской равнины. Несомненно, было и их взаимопроникновение на соседние территории. Отступающе-накольчато-ямочная традиция представлена в регионе на стоянке Пеньки-1 и в Железинском могильнике [Чалая, 1972]. Крайней южной точкой является оз. Борлы, где подобная керамика найдена в одном из шурфов на поселении Борлы-4 [Гайдученко, Мерц, 2012]. Керамика большемысского типа на стоянке Мичурино-2 и поселении Борлы, где она, видимо, предшествует или синхронна боборыкинской [Мерц, 2013; 2014], ранее известной также на стоянке Шарбакты-1, а теперь и в юго-западных районах Алтайского края [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016; Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016]. Результатом этих контактов, видимо, было возникновение екатерининского типа керамики сочетающего орнаментальные традиции отступающе-накольчато-ямочной и большемысской традиции с гладкой и гребенчатой качалкой.

Относительно керамики большемысского типа нужно сказать, что она распространена от Оби до Иртыша, где представлена на ряде стратифицированных объектов вместе с пластинчатыми комплексами. Это прежде всего стоянка Мичурино-2, поселения Борлы и Комарово-1 [Абдулганеев, Кунгурова, Кирюшин, 2011; Мерц, 2013]. Данное обстоятельство свидетельствует о ее довольно раннем – неолитическом – возрасте [Мерц, 2018], что дает основание еще раз задуматься о ее связи с большемысским энеолитическим могильником. Видимо, представители именно данной культурной традиции осуществляли контакты с населением Прииртышья [Мерц, 2013, с. 86], куда они приносили изделия из алтайских сланцевых пород (рис. 1.-32).

Дискуссия

Новые материалы боборыкинского типа из Северо-Восточного Казахстана, полученные с большим количеством фаунистических остатков, в отличие от западносибирских, свидетельствуют о производящей экономике у населения, оставившего свои комплексы на поселении Борлы, где мы видим следы широкого использования лошади и крупного рогатого скота [Гайдученко, Мерц, 2012]. На сегодняшний день это наиболее ранние формы скотоводства в регионе. Следовательно, миграции южного и юго-западного населения на территорию Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов могут быть связаны с чисто пастушескими племенами, которые, обладая большой подвижностью, могли очень быстро передвигаться по степной зоне, заселяя ее отдельные участки. Там они контактировали с местными группами населения, адаптированными к данным условиям с раннеголоценового периода. И, возможно, под их влиянием некоторые группы возвращались к присваивающей экономике, как это часто бывает, когда этому способствуют экологические условия, чему можно найти много примеров

[Ошибкина, 1996, с. 7]. При этом в качестве инноваций сохранялись технологии кремневого и керамического производства, некоторые идеологические подходы и стереотипы. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы боборыкинской культуры – одной из наиболее интересных и загадочных в Западной Сибири. Часть исследователей связывает ее происхождение с территорией Юго-Западной Азии, исходя из технологии и форм керамики, отражающих, по их мнению, культовые представления «боборыкинцев», связанные с женским образом и культом плодородия [Ковалева, Зырянова, 2010; 2016]. С учетом пришлого характера происхождения боборыкинской культуры из регионов развитого скотоводства можно предположить, что и боборыкинское население Зауралья и Западной Сибири также пришло на эти территории как скотоводческое, а затем утратило свои навыки и занялось охотой и рыболовством.

В этой связи необходимо также коснуться вопроса соотношения керамических комплексов поселения Автодром-2/2 [Бобров, Юракова, 2014], с одной стороны, керамики боборыкинского облика из Юго-Западного Алтая [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016] и поселения Борлы – с другой. Хочется отметить, что основным критерием боборыкинской принадлежности керамики Автодрома-2/2, по мнению авторов, является ее плоскодонность [Бобров, Юракова, 2014, с. 212]. Однако плоскодонность – не единственный признак боборыкинской керамики. Известно, что для боборыкинских комплексов характерны два основных типа сосудов: плоскодонные и круглодонные, реже встречаются сосуды с приостренным дном, горшечной и баночной формы, хотя исследователи пишут и о большем разнообразии [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 223]. Но мы видим, что на поселении Автодром-2/2 практически вся керамика плоскодонная и имеет баночную форму [Бобров, Юракова, 2014, с. 212], что весьма необычно для боборыкинских комплексов. Кроме того, некоторые из сосудов очень напоминают раннебронзовые формы. В связи с этим соотносить всю плоскодонную керамику неолита с боборыкинской не вполне корректно, так как представления о ней становятся весьма размытыми. Кроме того, в Западной Сибири есть и другие неолитические комплексы с плоскодонной керамикой, не имеющие ничего общего с боборыкинской, например каюковского типа [Косинская, 2006, с. 34], но близкой по массивности к материалам Автодрома-2/2, с которыми они могут составлять одну линию развития, сложившуюся в разных культурных образованиях. В отличие от них, керамика поселения Борлы более типична, хотя среди нее пока нет плоскодонной (есть только мелкие фрагменты придонной части, которые позволяют думать о том, что со временем плоскодонные сосуды будут найдены). Опыт ее изучения (на памятнике уже собраны остатки нескольких десятков сосудов; рис. 2) и ознакомление с боборыкинскими материалами Зауралья дают возможность отнести к проблеме соотношения плоскодонной неолитической керамики поселения Автодром-2/2 с боборыкинскими комплексами более критично.

Отнесение к боборыкинскому типу немногочисленных образцов керамики с развешенных стоянок Юго-Западного Алтая вполне оправданно. Возможно, какая-то часть представленных образцов может соотноситься с боборыкинским типом керамики, но не все предложенные авторами, особенно сосуды с жемчужником и гребенчатым орнаментом с поселения Алексеевка-I [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, с. 13, 19; 2017, с. 11, 13, 15]. Они могут представлять совершенно иной культурный тип, который, может быть, еще предстоит выделить по мере накопления источников. На наш

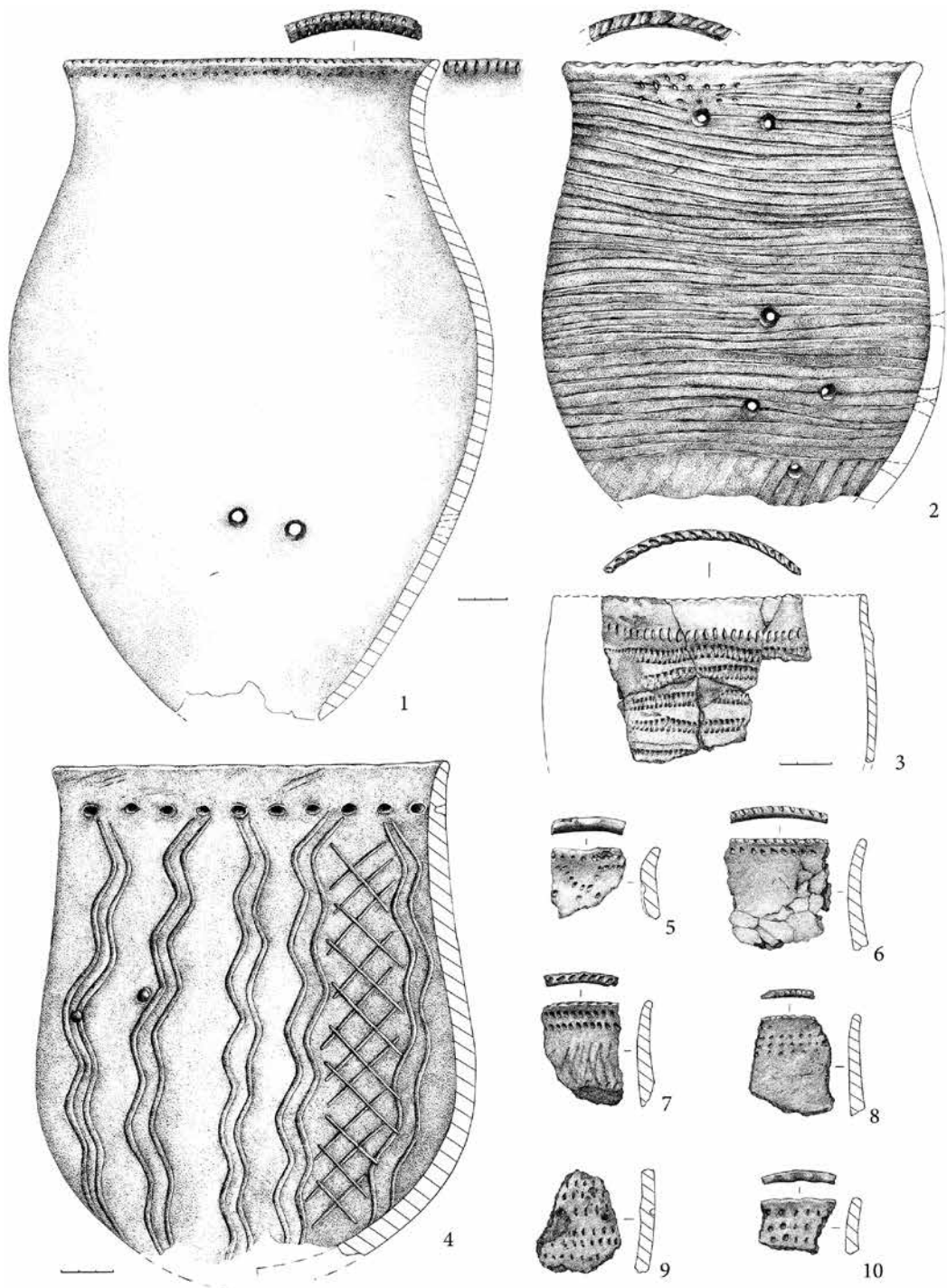

Рис. 2. Керамика, поселение Борлы

взгляд, увлеченность боборыкинской идеей не должна заслонять другие культурные образования, существовавшие в регионе до появления населения, оставившего материалы боборыкинского типа. Следовательно, керамические комплексы региона не могут ограничиваться только боборыкинским или большемысским типом керамики, представляющими лишь поздненеолитический этап. Наверняка в рамках неолитического периода могли существовать и существовали другие типы керамики, которые нужно рассматривать в комплексе с каменной индустрией. Об этом говорят материалы памятников борлинского археологического комплекса и других стоянок Казахстанского Прииртышья, еще не введенные в научный оборот.

Поэтому включение в боборыкинскую группу круглодонной керамики с жемчужным орнаментом с Семипалатинских дюн и других памятников региона [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016, с. 14, 20], в том числе отнесенной нами к раннебронзовому времени [Мерц, 2013], также не убедительно, поскольку на боборыкинской керамике жемчужный декор не известен. Для нее характерны округлые вдавления под венчиком, образующие иногда выпуклости типа «жемчужин» с внутренней стороны сосуда [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 237], а это не одно и то же. Кроме того, текстура формовочной массы этого сосуда с Семипалатинских дюн [Мерц, 2013, с. 157], значительно отличается от керамики боборыкинского типа поселения Борлы и неолитической керамики региона в целом, обычно формованной с органической примесью, волосом, шерстью животных, пухом или растительными добавками. Поэтому-то данная группа керамики и была выделена нами, как нечто особенное, отличающееся от всего, что нам известно в данном регионе. В связи с этим, думается, что здесь нужен более осторожный подход при включении неолитической керамики с жемчужным орнаментом Юго-Западного Алтая и казахстанских образцов, имеющих с ней некоторые общие приемы декора, но относящихся к другому периоду, в группу керамики боборыкинского типа. Столь поспешные решения по культурному определению малоизвестных материалов могут внести путаницу в понимание того, что здесь на самом деле представляет керамика боборыкинского типа. Решить данную проблему позволят лишь дальнейшие планомерные исследования в приграничных районах Юго-Западного Алтая и Казахстана.

Заключение

Таким образом, рассмотрев неолитические материалы Северо-Восточного Казахстана, мы видим, что в период неолита происходили сложные процессы последовательной смены типов каменных индустрий, часть из которых была связана с приходом нового населения. Керамические комплексы отступающе-накольчато-ямочного, большемысского и боборыкинского типов, представленных в основном на памятниках Правобережного Прииртышья, отражают как местные технологические традиции, так и привнесенные пришлыми группами населения. Облик же керамики неолитических комплексов левобережной части остается почти не известным. Следовательно, их дальнейший поиск и определение культурной принадлежности являются одной из основных задач в изучении неолита региона.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул, 2011.

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV(XX) всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. I.

Гайдученко Л.Л., Мерц В.К. Osteологический комплекс поселения Борлы // Маргулановские чтения – 2012. Астана, 2012.

Горбунова Т.А., Толпеко И.В., Шмидт И.В. Предварительные результаты полевого исследования многослойного памятника Черноозерье VI–VIa в 2016 году // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Вып. 12. Омск, 2017.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.

Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. №3.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Новоильинка-VI // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14).

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Комплекс ранней керамики поселения Алексеевка-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №2 (18).

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии стоянки Павловка-1 // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Боборыкинская проблема: история и современное состояние // Традиции и инновации в изучении древней керамики. СПб., 2016.

Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА. 1966. №2.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971 (МИА. №180).

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.

Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у оз. Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV(XX) всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. I.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты-3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006.

Мерц В.К. Исследования поселения Борлы в 2017 году и перспективы изучения неолита Северо-Восточного Казахстана // Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: Материалы междунар. науч. конф. Актобе, 2018.

Мерц В.К. Культурное взаимодействие населения Северо-Восточного Казахстана и Алтай в эпоху неолита // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. №6 (18).

Мерц В.К. Некоторые вопросы изучения неолита Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 2004. №1.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3 : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008.

Мерц В.К. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018а. №3 (19).

Мерц В.К. Раскопки на стоянке Шидерты-3 // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское (долина Аляя, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16).

Толпеко И.В. Каменная индустрия поселений эпохи ранней бронзы Окуневского археологического микрорайона : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки-1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Merz V. The Neolithisation of the Asian Steppes // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 10–14 September 2014 – Istanbul – Turkey / Abstract of the and poster presentation, 2014.

УДК 902(571.53/.55)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.19

А.В. Тетенькин

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет, Иркутск, Россия*

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-59-22003/18 «Адаптации охотников-собирателей в позднем плейстоцене к природным условиям тундры севера Байкальской Сибири») и РНФ (проект №19-78-10084 «Комплексное исследование археологических материалов эпохи каменного века с применением аналитических методов для исторической реконструкции хозяйственной деятельности населения Байкальской Сибири»)

Первые исследования позднего палеолита и мезолита в Северном Прибайкалье были начаты А.П. Окладниковым в 1941 г. Основные исследователи: В.М. Ветров, О.В. Задонин, Е.М. Инешин, В.В. Краснощеков, А.В. Тетенькин, П.Е. Шмыгун и др. – являются представителями иркутской археологической школы. Изучение районов Северного Прибайкалья – Северного Байкала, севера Верхней Лены, Верхнего и Нижнего Витима многие годы велось обособленно и выражено в культурно-хронологических схемах, выстроенных порознь. Общими исследовательским сюжетами до недавнего времени были связаны лишь районы Верхнего и Нижнего Витима. На сегодняшний день наиболее динамично развивается археология палеолита и мезолита Нижнего Витима. Выход исследований на уровень межрайонного, регионального масштаба в рамках задач выявления археологических связей подводит к необходимости интеграции районных научных построений и формирования научного подхода регионального масштаба.

Ключевые слова: Северное Прибайкалье, Северный Байкал, север Верхней Лены, Верхний Витим, Нижний Витим, поздний палеолит, мезолит, культурно-хронологическая схема

Введение

Начиная с открытия в 1941 г. А.П. Окладниковым [1955] Частинской палеолитической стоянки на р. Лене археология Северного Прибайкалья насчитывает 80 лет. Научной особенностью является изучение его отрядами иркутской школы археологии, что в значительной мере обусловило единство применяемых методов полевой и теоретической археологии, языка описания, корреляции знаний и объектов. Другая особенность изучения Северного Прибайкалья – долгое время относительно независимые, хронологически асинхронные исследования четырех основных районов: северного побережья озера Байкал, севера Верхней Лены, Нижнего Витима и Верхнего Витима. Лишь археология двух последних районов имела примеры общих координирующих работ [Аксенов и др., 2000; Ветров и др., 2000; Демонтерова и др., 2014; Тетенькин и др., 2018а; Vetrov, Ineshin, 2019]. Разноплановость, разнохарактерность, различный уровень имеющихся представлений о палеолите и мезолите четырех районов стали одной из причин назревшей актуальности обобщения. Северное Прибайкалье, являясь частью Байкальской Сибири, находится в пограничном контакте с регионами Якутии и Забайкалья. В этом отношении археология Северного Прибайкалья тематически вхо-